

Явление седьмое

Те же и Тонка

Тонка входит и что-то шепчет Мики.

Мики. Пусть войдут. Скажите, что я их жду.

Тонка (подавленно). Нет. Это они вас ждут.

Мики (после паузы). Так... Понимаю. (Подходит к столу, запирает его, берет ключ и медленно идет к двери.)

Все молча глядят на него.

Пусть люди рассудят по справедливости, кто из нас делал то, что ему подсказывал его долг.

Сцена погружается в темноту. Слышно, как на городской площади бьют часы.

Занавес

SOS! или Совершенно
Особая Ситуация

Перевод Т. Мироновой

Комедия в двух действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Доминик Гачик.

Ангелика Гачикова, его жена.

Радован } их дети.
Милицка }

Анастасия Качкова.

Цирил Муха.

Мальвина.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Большая жилая комната, обставленная так, чтобы семь действующих лиц могли в ней свободно двигаться, сидеть, лежать и даже спать, если автор предназначал им это по ходу пьесы.

Явление первое

Качкова и Мальвина

На первый взгляд этим бодрым старушкам давно за шестьдесят, но они держатся так, словно им нет и пятидесяти. Когда поднимается занавес, Мальвина с аппетитом доедает последние кусочки сосиски, макая их в горчицу. В течение всего последующего разговора она сосредоточенно вытирает тарелку хлебной коркой.

Мальвина. Или давали бы хоть такие шпекачки... на полдник. Да где там! Не дожدهшься.

Качкова. Ты уже слышала нашу новость? Моего зятя избили. Гачика. Вчера вечером.

Мальвина. Вот, вот... Вечером дадут то, что от обеда останется. Это уж закон. А если ничего не останется, дают консервы. Одну банку на двоих... Съел — иди спать.

Качкова. Я спрашиваю, ты слышала или нет, что моего зятя... Доминика Гачика... вчера вечером избили на улице?

Мальвина. Нет, не на улицу. Во двор. И это неплохо, потому что, когда окна во двор выходят, спишь лучше... А хороший сон, как известно, лучше любой пицци.

Качкова. Ох, Мальвина, ты глуха, как пень, но ведь и мне хочется с кем-нибудь поговорить.. Так вот, послушай. Вчера вечером До-

минику возвращался домой после девяти... Вчера ведь был четверг, а он каждый четверг весь вечер в шахматы играет... И далось ему эти шахматы! А на кой черт он в них играет? Что ему с этого? Вот наши соседи, ты их знаешь, так они тоже играют, кто как умеет: отец — в преферанс, сын — на трубе в похоронном оркестре, а мать — на рояле на гражданских свадьбах. Это я понимаю! От такой игры прямая выгода — они вон, уже и машину купили. А наш Доминик и слышать не хочет, что играть надо со смыслом, чтобы и в карман тебе перепало... О чем это я говорила?.. Ну так вот, возвращается он домой со своих шахмат, идет себе по улице и вдруг слышит — кто-то зовет на помощь. Ему бы самое время за забором пританься, а он, Доминик-то, бегом на крик. Ты ведь его знаешь. Великий педагог! Хулиганов вздумал воспитывать. Они ему и всыпали по первое число. Теперь вся голова в синяках, а лицо так распухло, что нам бинта едва хватило. А на помощь, говорят, звал учитель Небожец. Да ты его знаешь — хромой такой, он на соревнованиях всегда в свисток свистит. Было бы кого выручать! Но наш Доминик — он весь в этом! Все только книжки да разговоры о социалистической гуманности, а спроси его, почему кило хлеба, он и понятия не имеет.

Мальвина. Да, ты права. Такой свежей белой булки с ароматной корочкой сейчас уже не купишь. Удивляюсь я, и как они теперь пекут! Ведь раньше обыкновенная лепешка была вкуснее, чем нынешние батоны. Но наш заведующий и их нам не дает — говорит, белый хлеб для сердца вреден.

Качкова. Что бы там ни было, Мальвина, ты мне сразу дай знать, как только у вас освободится койка. Перейду к тебе. Лучше жить в доме для престарелых, чем в этом, хоть и родном, но действительно сумасшедшем доме. Вот и сейчас. Один бог знает, чем вся эта история кончится. Небожец подозревает парней из ис-

правительного дома. Сегодня их будут допрашивать. Так им и надо... Только у нас такое возможно, чтобы собрали разных бродяг со всей округи и поселили не где-нибудь, а в старом замке.

Мальвина. Правду говоришь, такое только у нас возможно. Белый хлеб, мол, вреден для сердца! А свинина — для сосудов. Врач нам целую лекцию прочитала. Говорит, на молоке и на овощах можно еще много лет прожить. А я говорю, очень мне нужна такая жизнь! Я вам всю свою пенсию отдаю, так уж будьте добры обо мне заботиться. В конце концов меня сюда собственный сын устраивал. А он вам не кто-нибудь. В политике будь здоров как разбирается.

Качкова. Какая тут политика?! Твоей пенсии только и хватает, что на молоко да салат.

Мальвина. Салат полагается к мясу. Только нам салат дают без уксуса, без сахара. Я однажды не вытерпела и сказала им, как нужно салат готовить. А заведующий давай меня упрекать, что я, мол, не ценю заботу государства, что мне следовало бы знать, сколько государство добавляет на таких, как я. А я ему в ответ — пусть ничего не добавляет, а пенсию повысит, чтобы можно было нам давать и мясо пожирнее, и белый хлеб. Глядишь, мы так и помрем скорее — врачиха же не зря нам лекцию читала. Кому от этого будет лучше? Тому же государству. Ему не придется еще несколько лет нам пенсию выплачивать. И как до этого не додумались?!

Качкова. А сейчас меня любопытство разбирает: получит он хоть какую-то компенсацию за свою разбитую голову или нет. Говорила я Ангелике, оформи ты на него страховку, да так, чтобы он об этом и не догадывался. Но почему я знаю — может, теперь голову и не страхуют. Ох, глаза б мои все это не видели! Как только у вас кто-нибудь умрет, сейчас же мне сообщите.

Я возьму свой узелок и — к вам. Поминай как звали. Поживу еще пару лет спокойно, а не как здесь. Это не для моих нервов.

Мальвина. Для первов полезен мед. У нас там даже такой плакат висит.

Качкова. Посуди, Мальвина, ну разве нормальный человек будет себя так вести? Ведь Гачика назначили было директором школы, но он продержался на этом месте всего один год. Заявил своему начальству, что он против школьной реформы. А тогда как раз спрашивали, кто «за», а кто «против» гимназии. После этого он стал замом директора. Ну черт с ним, подумала я тогда, пусть хоть замом. Так его и оттуда выперли, потому что он единственный не захотел идти с детьми собирать картошку. Ох, неисповедимы пути господни! Вот тогда-то я и почувствовала, что у Доминика не все дома. А когда его выгнали и из учителей и поставили выдавать книжки, я Ангелике прямо сказала: «Разведись ты с ним, пока не поздно»... Не знаю, что она в нем нашла. Ну хоть бы на мужчину был похож, а то ведь как есть паршивая собачонка. Не приведи бог, дети в него пойдут. Да с ними уже и сейчас невозможно разговаривать. Нет уж, с меня хватит, нервы у меня не железные.

Мальвина. Нервы... Как знаешь, но если мед тебе не поможет, тогда...

Качкова. Боже мой, кому что. Вот бы и мне оглохнуть и думать только, как набить свою утробу. Такое счастье тоже не каждому выпадает.

Явление второе

Те же и Радо

Радо (почти вбегает, швыряет в угол портфель и тут же начинает стаскивать с себя рубашку). Привет, куколочки...

Качкова (Мальвине). Слышала?.. И хо-

рошо, что не слышала... Даже поздороваться толком не может.

Радо. Ну, чем кормят в доме для престарелых? Прозрачный бульончик по принципу: похлебаем и опять дольем? А?

Качкова. Радо! Прошу тебя... Хоть она и глухая, но это уж совсем нехорошо...

Радо. Разве я спросил что-нибудь неприличное? Или, может, у вас сменилась тема разговора?

Качкова. Ты знаешь, что я в твои разговоры не вмешиваюсь.

Радо. Ну, куколка моя... Ты живешь не в девятнадцатом веке.

Качкова. Сто раз я говорила, что я тебе не куколка, а бабушка, а куколочки — это те, за кем ты бегаешь.

Радо. Никакие они не куколочки, а женщины двадцатого века!

Качкова. Боже мой, хотя бы при Мальвине...

Радо. Отец еще не вернулся?

Качкова. Там на кухне есть сосиски, иди поешь.

Радо. Я спрашиваю, отец не вернулся?

Качкова. Только обязательно разогрей. Не вздумай есть холодные.

Радо уходит на кухню.

Мальвина. От холодной еды живот будет болеть.

Качкова. Его желудок все перемелет. А вот с внучкой... одни мучения. В пятнадцать лет заботится о фигуре.

Радо (появляется в одних трусах и с сосиской в руке). Меня никто не спрашивал?

Мальвина (смущенно потупившись). Ну... так я, пожалуй, пойду. Куда я положила свой пакет?

Качкова. Посиди... (Поворачиваясь к Радо.) А ты тут голый не прыгай.

Радо. Ты могла бы попросить за меня тетю Мальвину?

Качкова. Попросить за тебя? О чем?

Радо. Чтобы нам разрешили устроить выставление культуристов в доме для престарелых. Они это себе запишут как спортивное мероприятие. Проведем на уровне.

Качкова. Совсем уже стыд потерял!

Мальвина (*встает и кладет на стол пакет*). Почтальон попросил меня передать это заведующему. Опять, наверное, эти плакаты с советами, как сохранить здоровье... Да, не забудь про рецепт котлет. Я обещала его поварихе.

Качкова. Послушай, Мальвина. Ты не могла бы замолвить за меня словечко своему сыну? Ведь это он сумел тебя пристроить. А я боюсь, как бы меня кто не опередил. Слышишь? Гляди, чтобы меня никто не опередил! И заведующему вашему тоже передай привет. В конце концов и у меня есть право хоть чуточку пожить спокойно.

Мальвина. А ты передай от меня привет Ангелике и твоему зятю. Я что-то давно его не видела. Как он поживает? Ты мне ничего о нем не рассказываешь.

Качкова. Избили его. Вчера вечером. На улице. Ударили по голове.

Мальвина. Голова... Я и говорю, твой зять — голова. Это все от книг. Мудрый человек. Жаль, что теперь таких мало родится.

Обе старушки уходят.

Радо (*глядя им вслед*). Записать бы их разговор на пленку... Со смеху можно подохнуть.

Качкова (*возвратившись*). Послушай, сколько раз я тебя просила, чтобы ты не раздевался перед чужими.

Радо. Так ведь тетя Мальвина уже давно не...

Качкова. Оставь свои шутки. Лучше пошел бы встретил отца.

Радо. Я?

Качкова. Чует мое сердце, разбитой головой дело не кончится.

Радо. Ничего хуже этого с ним не случится.

Явление третье

Те же и Милицка

Милицка. Вы о чем?

Радо. Да вот, бабка сердится, что мы плохо посмотрим за отцом.

Милицка. Он еще не вернулся?

Качкова. А где ты была так долго?

Милицка. Долго?.. Ну, извини! Я ведь только что ушла.

Качкова. Ты что-то слишком рано теряешь счет времени. Да ладно, бог с вами, делайте что хотите. Мне теперь недолго осталось на вас смотреть.

Милицка. Что? Освобождается место в доме для престарелых?

Качкова. Вот когда вы сможете проявлять свою любовь ко мне. (*Милицке.*) Тебе письмо пришло.

Милицка. Давно?

Качкова. Надеюсь, ты не думаешь, что я его распечатала? Не бойся. Целое.

Радо. Из Югославии?.. Уважаемая подруга... Пионерская переписка? Нет, не похоже.

Милицка. Не суйся не в свои дела. Понял?

Радо. Твое счастье, что письмо не попало в руки маме. Хотя вообще-то цензура тебе бы не повредила.

Милицка (*волнуясь, отрывает уголок конверта*). А про тайну переписки ты ничего не слышал? В твои-то годы? А?

Радо. Ладно, не остроумничай. Давай сюда! Вот как руки трясутся. Заказное письмо из-за границы ты еще ни разу в жизни не распечатывала.

Милицка (*пятится*). Спасибо за твою заботу.

Качкова. Знаете радиопередачу «Спасибо за любовь и заботу»? Так вот, Мальвина рассказывала, что у них в доме живет одна столетняя старуха. У нее девять детей и столько же внуков. Так они послали ей привет по радио. Стыд и позор на весь свет. Спасибо за любовь и заботу — по радио.

Радо. Не бойся. Мы тебя не выдадим. Пустим слух, что ты уехала отдыхать... лечишься где-нибудь в Татрах. Это даже звучит правдоподобнее. Туда уж никто не поедет тебя навещать.

Качкова. Ничего, зато я сама пойду по городу и расскажу всем, как мне хорошо живется на одном хлебе и воде. (*Обращаясь к Радо.*) Ты куда?

Радо. На тренировку.

Качкова. И так каждый вечер?!

Милицка (*громко вскрикивает*). Боже мой!

Из письма выпадает фотокарточка. Радо быстро нагибается и поднимает ее с пола.

Милицка. Какое сегодня число?

Радо. Четырнадцатое. Пятница. Да-с, действительно очень занимательная корреспонденция.

Качкова. Покажи!

Радо. Настоящий пионер-переросток.

Качкова. Внушенька! Это же матрос!

Радо. Юнга с Адриатики. Пижон!

Качкова. Нам только матроса не хватало!

Милицка. Какое сегодня число?

Радо. Чего ты там высчитываешь?

Качкова. О господи...

Радо. А у тебя сразу дурные мысли.

Качкова. Да в вашей семье только так все и получается.

Милицка. Четырнадцатое. Пятница... (*Подает брату письмо.*) На, читай.

Радо (*читает вслух*). «Дорогая подруга Милицка. Разрешите мне сердечно приветствовать Вас и сообщить, что 14 июня я прибуду в Чехословакию. Мечтаю увидеть Вас в Вашем прекрасном городе. Спасибо за Вашу фотографию. Надеюсь найти Вас по Вашему адресу. Перед Вашим домом просигналю три раза. Ваш Божимир Троянов».

Качкова. Сколько раз он просигналит?

Радо. Три.

Качкова. А что потом?

Радо. А потом семья выйдет встречать поклонника с валютой.

Качкова. Боже мой. Три раза просигналит! У нас под окнами и своих перихонских труб достаточно.

Милицка. Родителям ни слова!

Качкова. Хочешь скрыть от них?

Радо. Они из этого состряпают ту еще мелодраму, уж будьте уверены!

Качкова. Но маме все же...

Радо. Еще бы, мама ведь прекрасно разбирается в сердечных делах своих детей!

Качкова. Господи помилуй! В пятнадцать-то лет — с моряками! Я не хочу и не собираюсь это слушать.

Милицка. Не слушай, только не выдавай!

Качкова. Как же тут не выдать? Он, потвоему, три раза просигналит, а потом превратится в невидимку? Так, что ли?

Милицка. Я помогу ему с комнатой.

Качкова. Боже милостивый! Может быть, ты еще и в гостиницу с ним отправишься?

Милицка. Тсс... Кажется, кто-то...

Качкова. Сигналит?

Милицка. Нет... Идет.

Явление четвертое

Те же и Гачикова

Гачикова. Где отец? Он еще не пришел?

Качкова молча качает головой.

Ужасно. Весь город только об этом и говорит. Меня сегодня, наверное, человек двести спросили, кто его избил, и ни один не поинтересовался почему. Хорошо еще, что ученики не рискуют задавать такие вопросы.

Качкова. А его ведь все нет... Неужели до сих пор не нашли хулиганов?

Гачикова. Было темно. Лиц он не разглядел. *(Поворачиваясь к Радо.)* А ты? Куда ты опять?

Радо. На тренировку.

Гачикова. Сегодня можно было бы и пропустить. Отец должен вернуться с минуты на минуту.

Радо. Ну и что? По-твоему, как только найдут виновника, я должен буду ему отомстить? Для этого в наши дни имеются более совершенные средства.

Гачикова. Я бы на твоём месте не скалила зубы над несчастьем родного отца. Вчера избил его, а не сегодня-завтра и кому-нибудь из нас голову проломят.

Качкова. Уходить! Уходить из этого дома, как можно скорее!

Гачикова. Прошу тебя, мама, успокойся.

Милицка. Его найдут, вот увидите.

Радо. А если нет?

Качкова. И такое может быть. Вот в Америке до сих пор не могут точно сказать, кто их президента бабахнул. А ведь была фигура!

Гачикова. Завтра надо будет обойти все магазины и незаметно заглянуть...

Качкова. В книги жалоб?

Милицка. Фелиция Скрбкова говорила на перемене, что в мясном магазине наш отец написал про ее отца, что тот жулик и вор.

Качкова. О господи. Тот одной рукой может быка повалить, а не то что нашего недомерка...

Гачикова. Мама, прошу тебя...

Радо. Только меня, пожалуйста, в эти дела не втягивайте.

Гачикова. Неужели у тебя нет к отцу никаких чувств?

Радо. Чувства есть, только спрашивается, какой нормальный человек возьмется сегодня перестраивать мир?

Качкова. Вот именно. Разве продавец Скрбка станет лучше от того, что какой-то Гачик напишет на него в книгу жалоб?

Радо. Могу привести еще один пример, по-свежее. В субботу начальница отца отмечала свои именины в Доме просвещения. Все скинулись на подарок. Один отец ничего не дал. Сказал, что придерживается правила давать деньги только на похоронные венки и признает только этот вид складчины, поскольку тут уже никто не может преследовать какую-то выгоду для себя... Это мне сын начальницы по секрету шепнул.

Милицка. Отец так и сказал? Замечательно!

Радо. Может быть, и замечательно, но разве нормально?

Гачикова. Иди-ка ты лучше на тренировку.

Радо. Я знаю, что мы с тобой всегда находим общий язык.

Гачикова. Посмотрим, что будет через две недели.

Радо. Ты сомневаешься, что я сдам экзамены на аттестат зрелости?

Гачикова. Перед экзаменационной комиссией не мне стоять.

Радо. Часто успех зависит не столько от того, кто стоит перед комиссией, сколько от того, кто стоит за ним.

Гачикова. Меня ты за собой точно не увидишь.

Качкова. Когда вернешься ночью домой, постарайся не слишком шуметь в ванной.

Милицка (когда Радо исчезает за дверью). Мама?

Качкова испытующе смотрит на Милицку.

Сегодня... Ведь сегодня пятница.

Гачикова. Ну и что? Что должно случиться?

Милицка. У тебя сегодня вечерний университет...

Гачикова. Один раз обойдуться без меня.

Милицка. Ты же говорила, что тебе надо будет выступить.

Гачикова. Отец должен вернуться с минуты на минуту.

Качкова. У меня какое-то дурное предчувствие...

Гачикова. Что там никого не найдут, я была уверена. Ведь с этими правонарушителями у нас никогда не было ничего общего.

Качкова. Правонарушители? Это те...

Милицка. Трудновоспитуемые хулиганы.

Качкова. А Мальвина мне говорила, что они вполне хорошие ребята. Они приходят к старикам работать в саду.

Милицка. Может быть, у Небожеца были с ними какие-нибудь свои дела?

Гачикова. Но избили-то отца, а задира Небожец остался без единой царапины.

Качкова. Он себе лежал под забором, а Доминик из-за него пострадал.

Милицка. А если его найдут?

Качкова. Кого?

Милицка. Ну того гангстера... Что тогда будет?

Гачикова. Следствие, суд, тюрьма... не взирая ни на что.

Качкова. Если, конечно, сам Доминик с его характером не побежит к хулигану просить у него прощения и не станет извиняться, что причинил ему неприятности.

Милицка. Мама, а ты не хочешь пойти встретить папу?..

Гачикова. Объясни мне в чем дело! У тебя что, свои планы на пятницы, когда меня не бывает дома? Кто тебя ждет?

Милицка. Никто.

Гачикова. Кто должен прийти?

Качкова. Тоже никто...

Гачикова. Учти, мама, что твоя внучка уже достигла того возраста, когда по вечерам уходят из дома не для того, чтобы играть в куклы.

Качкова. Уж ты-то меня не учи! Как будто я не помню, что ты делала в ее годы!

Гачикова. Пойми, мама, сегодня мир стал намного сложнее.

Качкова. Боже... Никто не сигнализировал на улице?

Гачикова. А кто должен сигнализировать?

Милицка. Никто.

Качкова. Никто. Это у меня нервы. Мир стал намного сложнее. А Доминика все нет и нет. С ним, наверное, опять что-нибудь случилось.

Милицка. Ведь он туда пошел не один, а с милицией.

Качкова. Тем хуже. Я никогда не доверяла военной форме.

Гачикова. А знаете, кого подозревает наш участковый? Того черненького водопроводчика, который чинил нам трубы.

Качкова. Его? А почему именно его?

Гачикова. Доминик якобы пристыдил его за то, что он халтурит, да еще и пользуется ворованным материалом.

Качкова. Я этого не слышала.

Гачикова. Достаточно, что другие слышали и донесли участковому. А тот, бедняга, был вынужден проверить факты и нашел у проводника целый склад. И действительно, все детали оказались ворованными.

Милицка. Но ведь избить-то хотели кого-то другого. Не нашего отца.

Качкова. Может быть, и у Небожеца засорилась уборная? Откуда нам известно. Теперь никому нельзя верить. Я уж думала, не мстит ли ему кто из школы.

Гачикова. Но ведь он уже несколько лет не преподает.

Качкова. Зато ты еще там работаешь.

Гачикова. Думаешь, из-за меня?

Качкова. Кто знает. Теперь никто ничего не знает, а люди день ото дня становятся все хуже.

Гачикова. Если бы он преподавал, мне все было бы ясно. У него ведь были свои методы. Он за тройку по поведению ругал не ученика, а родителей. А в библиотеке? Кого он может там обидеть?

Качкова. Это только ты так думаешь. Вчера через окошко в подвале я совершенно случайно слышала, как Клавдичка рассказывала своему мужу про то, как она ходила в библиотеку за книжкой. С тех пор как у них появилась машина, они книг не покупают. Она якобы попросила у Доминика какой-то роман той французской писательницы, которая пишет про любовь. А он ей на это, что, дескать, она уже не в том возрасте, чтобы читать такие глупости.

Гачикова. Так ей и сказал? Доминик?

Качкова. Может быть, он сказал ей что-нибудь вроде: «Милостивая пани, не хотели бы вы прочитать что-нибудь другое», но она-то перевела все на свой язык, так, как я говорю.

Милицка. А что, если отец прав? Любовь, а особенно когда об этом пишут французы, требует...

Гачикова. Да что ты можешь об этом знать?

Милицка. Я хотела сказать, что даже форма иногда преобладает над содержанием.

Гачикова. Хорошо бы ты помолчала!

Милицка. Как знаешь, а я все-таки думаю, что дискуссия лучше, чем...

Гачикова. Я тебе сейчас такую дискуссию покажу...

Качкова. Вот-вот. Наподдай ей. Самое простое и давно проверенное средство воспитания. Только нынче и наказывать-то ребенка нечем: ремней мужчины уже не носят, а палку отменил Макаренко. В современной семье только и остается что дискуссия.

Явление пятое

Те же и Гачик

Гачик неслышно появляется в дверях. Его голова забинтована. В глазах нескрываемая усталость.

Гачикова. Доминик!

Качкова. Наконец-то! Мы тут такого натерпелись.

Гачикова (*щупая повязку на голове мужа*). Ты даже не был на перевязке?

Гачик бессильно качает головой.

Милицка. Не хватило времени, папка?

Качкова. Ему всегда не до себя...

Гачикова. У тебя может начаться заражение.

Гачик. Знаю.

Гачикова. И все же ты не пошел?

Гачик. Не было времени.

Качкова. Что-нибудь удалось узнать?

Г а ч и к. Ничего.

Г а ч и к о в а. Так что же ты делал с самого обеда?

Г а ч и к. Искал и сравнивал.

Г а ч и к о в а. Кого с кем? Ведь вам никого не удалось найти.

Г а ч и к. Я размышлял о бессилии этого мира.

К а ч к о в а. Боже мой. Опять он разводит свою философию.

Г а ч и к о в а. И ни один не вызвал у тебя подозрения?

Г а ч и к. Ни один.

К а ч к о в а. Вот так-то у нас переводят время попусту, и никаких тебе результатов.

Г а ч и к. Я бы не стал утверждать, что совсем никаких.

Г а ч и к о в а. Тогда что же? У тебя есть какие-то серьезные подозрения?

Г а ч и к. Серьезных подозрений — нет, а вот серьезное решение — есть.

К а ч к о в а. Ради бога! Что ты решил?

Г а ч и к (после короткой напряженной паузы). Если вам объяснить... Я бы сказал, объяснить принципиально и глубоко... то вы со мной согласитесь.

К а ч к о в а. О господи! Принципиально и глубоко. Опять какая-то неожиданность...

Г а ч и к о в а. Очень тебя прошу. Сядь и расскажи все, как было. Пока что я ничего не понимаю.

Г а ч и к. С чего бы начать, чтобы вы меня скорее поняли?.. (Смотрит на женщин.)

К а ч к о в а. Господи, как он смотрит!.. Взгляд-то какой!.. Успокойся, Доминик, ты ведь дома, среди своих.

Г а ч и к о в а. Ты принял это решение один или при свидетелях?

Г а ч и к. Свидетелей было сто двадцать человек. Все, кого вызвали.

К а ч к о в а. Сто двадцать, боже милостивый!

М и л и ц к а. Бабушка...

Г а ч и к. Кроме этих ста двадцати, был еще полный зал народу. Ведь проводилось общее собрание жителей нашего города. То, что вчера со мной случилось, касается каждого из нас, потому что завтра такое может произойти с кем угодно.

Г а ч и к о в а. Хорошо-хорошо, но все-таки что же ты решил?

Г а ч и к. Знаешь, я был потрясен.

К а ч к о в а. Этих хулиганов избили?.. У тебя на глазах?

Г а ч и к. Сто двадцать одиноких детей. Выражение их глаз... Вы можете себе представить? Мы с Небожецем, проходя мимо них, внимательно смотрели на каждого... Странное зрелище. Они еще дети — ровесники нашим. Без отцов, без матерей, без любви... Обездоленные детские души...

К а ч к о в а. Не принимай все так близко к сердцу. Хороши эти обездоленные детские души, если они способны ни за что ни про что проломить человеку голову!

Г а ч и к. Я повторяю — ни один из них не показался мне подозрительным.

К а ч к о в а. Ни лицом, ни голосом?

Г а ч и к. Петь мы их не заставляли.

К а ч к о в а. Ну и что же с чем надо было сравнивать?

Г а ч и к о в а. Мама, не перебивай его. Пусть расскажет, что там произошло.

Г а ч и к. За этих сто двадцать детей словом и делом отвечают пятеро: директор, воспитатель и три их помощницы. Все пущено на самотек. Ребята лазают в окна, прячутся на чердаке, прыгают через забор. Форменное безобразие! Из просто беспризорных они превращаются в дикарей, а тем, кто должен их воспитывать, попросту не хватает сил, нервов, здоровья. И никакого выхода нет.

Г а ч и к о в а. Как это нет? Ведь это же государственное учреждение.

Гачик. В штатном расписании не хватает единиц, а коек в колонии вдвое меньше, чем ребят.

Гачикова. Зачем же тогда их столько набрали?

Качкова. Вот оно, наше планирование. Выделили средства на исправительный дом, а их не хватает. Не хватает даже на приличные заборы и решетки!

Гачик. Замок будут реставрировать только через семь лет.

Гачикова. И получается, что до того времени мы брошены на произвол судьбы.

Гачик. Это и так и не так.

Гачикова. Что ты хочешь этим сказать?

Гачик. Я предложил выход из положения.

Гачикова. Ты?

Гачик. Да, я.

Гачикова (*Милицке*). Пойди поставь чайник.

Гачик. Не выгоняй ее. Мне любопытно, что думает голова, не отягощенная предрассудками. Я исходил из собственного опыта. Предложил педагогическую помощь.

Гачикова. Хочешь снова преподавать?

Качкова. Учить трудновоспитуемых? Сколько тебе за это пообещали?

Гачик. Пока ничего.

Качкова. Думаешь работать по совместительству?

Гачик. К счастью, воспитание — не та работа, которой можно заниматься по совместительству.

Гачикова. Тогда как же?

Гачик. Здесь невозможна халтура. Поэтому на собрании я встал и обратился к присутствующим... «Товарищи! — сказал я. — Вы сами видите, какие плоды приносит неправильное воспитание» — я показал на сто двадцать ребят из исправительного дома. Никто мне не возразил. Тогда я продолжил: «Что же мы можем для них сделать? Ведь все мы знаем, чего им недо-

стает. Прежде всего родительской руки. Ласковой и строгой». Все заплодировали. А я добавил: «Я знаю, как действительно помочь этим ребятам и как удержать их от хулиганства... У всех нас есть дети. Мы их воспитываем. Каждый из нас, кто считает, что он воспитывает своих детей правильно, должен без колебания согласиться на мое предложение... Давайте возьмем этих детей к себе, в свои семьи. Деньги, которые государство дает исправительному дому, пусть перечисляют нам. А одно место за столом всегда найдется. Я поднимаю руку первый».

Пауза. Все молчат.

Такое же гробовое молчание воцарилось и в большом зале.

Качкова (*в сторону*). Эти глаза... Взгляд... Доминик! Ты спятил?

Гачикова. А... что было потом? Что остальные?

Гачик. Молчали.

Милицка. Отец, ты чудо!

Гачикова. Твое предложение не приняли?

Гачик. Положение спас директор.

Гачикова. Наверное, сказал, что это не разрешено инструкцией?

Гачик. Нет. Он сказал, что ловит меня на слове и, пока я не передумал, сегодня же пришлет ко мне одного из ребят.

Гачикова. А ты что ответил?

Качкова (*причитая*). ...Что он будет у нас желанным гостем.

Гачик. Да. На этом мы и расстались. Собрание закончилось.

Качкова. Значит, один из этих хулиганов заявится сегодня к нам? А что будет с нами?

Гачикова. Доминик?

Милицка (*матери*). Валерьянка на кухне. Принести?

Гачик. Ангелика! Дорогая! Что с тобой?
Качкова (дочери). Это у него после травмы.

Гачикова. Ты пошутил? Этого не может быть...

Гачик. Ну почему же, милая?

Качкова. Потому что нормальный человек не может сделать такое заявление официально.

Гачик. Что в моем предложении ненормального?

Качкова. Все. Я сейчас же одеваюсь и иду. Скажу, чтобы все отменили. Больной человек не может отвечать за свои поступки.

Гачик. Возможно, в первый момент это вас огорошило. Но подумайте...

Милицка подает матери таблетки.

Качкова. Дай ей воды... И мне тоже принеси.

Гачикова. Как ты мог вообще до такого додуматься?

Гачик. Путем логических заключений. Как говорится, «добрый пример лучше сотни назиданий». В кругу нашей семьи парень за короткое время изменится.

Гачикова. Но у нас — подрастающие дети...

Гачик. Именно поэтому. Он будет формироваться вместе с ними.

Качкова. А что, если не они, а он их перевоспитает? Они уже и так от него ненамного отстали.

Милицка (подает стакан воды бабушке, потом отцу). А где он будет жить, этот колонист?

Гачикова. Нигде. Завтра утром отец пойдет и скажет, что мы передумали.

Гачик. Я этого не сделаю.

Качкова. Но хоть кто-то в нашей семье должен мыслить здраво.

Гачик. Я настаиваю на своем.

Качкова. В таком случае я сейчас же ухожу из этого дома.

Гачик. Это проще всего.

Качкова. Свой гражданский долг я давно выполнила. Мои дети выросли хорошими людьми. А если кому-то нравится проделывать фокусы с чужими детьми, то на здоровье, но только без меня. Еще не хватало бояться, что тебе проломят голову в собственном доме.

Гачикова. Действительно... А если среди них не было того, кто на тебя напал?.. Если виновник скрывается в другом месте? У нас есть кого подозревать, помимо хулиганов из исправительного дома.

Гачик. В этой ситуации речь идет вовсе не о моей голове. Поймите. Подумайте об этом спокойно. Наука уже давно сказала свое слово по этому поводу, и, согласитесь, в любом практическом деле кто-то должен быть первым.

Гачикова. Но почему именно мы? Что у нас, какие-то особые условия? Или у тебя такая огромная зарплата, что ты можешь позволить себе подобные эксперименты? Может быть, у нас большая квартира, машина, дача, положение в обществе?

Гачик. Ты же знаешь, что ничего этого у нас нет. Но дело и не в этом. В свое время я очень внимательно изучал Коменского...

Гачикова. Теория остается теорией, а практика — это жизнь, и то, как ты познаешь ее через свои шесть дионтрий, стоило тебе карьеры, а нам — здоровья.

Качкова. Молодец! Наконец-то выложила ему все начистоту.

Гачик. Ангелика! Ты не можешь говорить это серьезно!

Гачикова. Абсолютно серьезно.

Гачик. Насколько я понимаю, ты и твоя мама считаете, что я... что я немного...

Качкова. Если бы немного!

Милицка. Бабушка!

Гачикова. Иду. Иду сейчас же... по горячим следам, чтобы не было ненужных толков и пересудов. Если у тебя не хватает мужества сознаться в своем безрассудстве, я должна сделать это за тебя.

Милицка. Мама, не сходи с ума!

Гачикова (*в раздражении дает ей пощечину*). Как ты разговариваешь с матерью?!

Гачик. Ангелика! Опомнись! Это несправедливо!

Гачикова (*Милицке*). Ты — первая жертва отцовского экспериментаторства.

В передней раздается звонок.

Качкова. Боже мой. Сигналят?

Гачикова. Что у вас у всех, галлюцинации?

Милицка. Кто-то звонит.

Гачик. Идите откройте.

Качкова (*Милицке*). Это Мальвина. Как всегда, что-нибудь забыла.

Милицка выходит.

Гачикова. Какой позор.

Гачик. Позор может получиться, если ты сделаешь то, что собралась.

Гачикова. Я?

Гачик. Но ведь я свое слово обратно не возьму.

Гачикова. В наши дни слово человека ничего не значит.

Гачик. Для кого как.

Гачикова. Для людей важны кроны, а не данное слово... Да-да!

Гачик. Ты думаешь, нам не хватит денег, которые даст государство?

Гачикова. Доминик, прошу тебя, помолчи, иначе я не выдержу...

Гачик. И сорвешь злость, стукнув меня по голове?

Явление шестое

Те же и Мальвина

Мальвина (*входит в сопровождении Милицки*). Неужели это правда?.. Пан Гачик?

Гачик. Что?

Мальвина (*внимательно оглядывает его*). То, что я слышала.

Качкова. Боже мой, что эта глухая могла услышать?

Гачик. А что вы слышали?

Мальвина. Слышала... а сейчас уже и вижу.

Гачикова. Что видите?

Мальвина. Голову... Вашу светлую голову... Она забинтована.

Гачикова (*кричит*). Только это? И больше ничего?

Мальвина. Господи Иисусе! Чего же больше?

Качкова (*подает ей пакет*). Вот... ты забыла пакет...

Мальвина. Пакет? А... Чепуха... А вот голова... Такая голова! (*Обращаясь с упреком к Качковой*.) Ты не сказала мне ни слова. Хорошо, что я на улице услышала.

Качкова. Боже милостивый! Неужели это по радио передавали?

Мальвина. Пан Гачик! А его-то поймали?

Гачик. Пока нет.

Мальвина. Если его не поймают... Пан Гачик... Мы с вами вместе сходим к Гейзе, моему сыну. Он все устроит. Он разбирается.

Гачикова. В чем?

Качкова. В политике.

Гачик. Я политикой не занимаюсь. Она тут ни при чем. Не приписывайте мне бог знает что, иначе я буду вынужден протестовать.

Мальвина. Протестовать. Вот именно... Вы правы. Протестовать. Я и говорю... Иначе ничего не добьешься.

Гачикова. Прошу тебя, мама...

Качкова. Я же не протестую.

Гачикова. Будь так добра... проводи ее...

Раздается звонок.

Качкова. Кто-то сигналил?

Гачик. Звонят в дверь.

Гачикова. Милицка... не слышишь? Кто-то звонит.

Милицка выходит.

Мальвина. Гостей ждете?

Гачикова. Да нет... нет.

Гачик. Да... ждем...

Мальвина. Я... я пойду... Но если понадобится мой Гейза... Только дайте мне знать.

Качкова. Пусть твой Гейза лучше обо мне думает. Слыхала? Обо мне!

Появляется Милицка и в растерянности останавливается в дверях.

Гачикова. Кто там пришел?

Милицка. Он.

Качкова. Кто он?

Милицка. Это...

Качкова. Югославский моряк?

Милицка. Нет... Из замка...

Качкова. Боже праведный!

Гачикова. Ну вот и доигрались!

Гачик (*встает*). Хладнокровие, спокойствие, выдержка! (*Милицке*.) Позови его. Пусть войдет.

Милицка. Можно?

Гачек. Конечно. Какие могут быть разговоры.

Милицка. Не знаю, что у нас на ужин. Но если мало, я отказываюсь от своей порции. (*Уходит.*)

Гачикова. Ужасно! Невероятно!.. Просто кошмар!

Гачик. Тс-с-с...

Явление седьмое

Те же и Циро

Циро с чемоданом в руке останавливается в дверях. Все остолбенело молчат.

Гачик. Пожалуйста, проходите... Проходите, не бойтесь.

Качкова (*шепотом дочери*). Боже мой, он с ним на «вы».

Циро. Можете называть меня на «ты». Я так больше привык. (*Подает Гачику руку.*) Циро.

Гачик. Доминик... Собственно, Гачик.

Циро. А я Муха.

Гачик. Муха? Это замечательно!

Циро. Что?

Гачик. Я знал одного Муху.

Циро. У меня фамилия матери.

Гачик. Ага... Понимаю.

Циро. А что это был за мужик? Тот Муха, которого вы знали?

Гачик. Тот? Я уже как следует не помню. Сколько лет прошло. Но, по-моему, это был порядочный и честный парень.

Циро. А о нашем мне мама рассказывала, что он был первоклассный негодяй.

Пауза.

Гачик. Знакомься. Прошу. Ангелика, моя жена.

Циро (*подает руку все еще не пришедшей в себя Гачиковой*). Очень приятно.

Гачик. Пожилая пани... — ее мама.

Циро. Ваша теща?

Качкова. Качкова.

Циро. Как это вы всю жизнь прожили с такой смешной фамилией?

Качкова. Что?

Циро. Бабушка плохо слышит?.. (*Наклоняется к ней*). Говорю, наверное, с такой фамилией не обходилось без хохмочек!

Качкова. Что? У меня?..

Гачик. А это наша добрая знакомая. Тетя Мальвина. Она тоже плохо слышит... А это наша дочь.

Циро. Милицка.

Гачик. Вы уже знакомы?

Циро. В этом мерзком городе не так уж много симпатичных цыпочек.

Гачикова. Документ!

Циро. Какой?

Качкова. Приказ!

Циро. Что?

Гачикова. Подтверждение.

Циро. О чем?

Гачикова. Вас, что же, отпустили просто так?

Гачик. Можешь называть его на «ты».

Гачикова. Где у тебя пропуск?

Циро (*в недоумении смотрит на Гачика*). Пропуск?

Качкова. Значит, из исправительного дома любого отпускают погулять, когда ему вздумается?

Циро (*после паузы Гачику*). Какую им нужно бумагу?

Гачик (*обращаясь к женщинам*). Ну... так...

Циро. Пан Гачик, я могу уйти.

Качкова. Это было бы лучше всего.

Циро (*берет чемодан*). Как знаете.

Гачик. Никуда ты не пойдешь!

Гачикова. Пойдет!

Качкова. Пойдет!

Милицка. Нет, не пойдет!

Циро. Эй, пан Гачик! Что все это значит?

Гачик. Поставь чемодан и садись.

Циро. Как знаете.

На улице раздаются прерывистые гудки автомашин.

Милицка. Гудки!.. Это он сигналил! (*Убегает.*)

Качкова. Ради бога! Ангелика! Держи ее!

Гачик. Что такое?

Качкова. Черт его знает, каким он окажется!

Гачикова. Кто?

Качкова. Ну... Как бы это тебе... Ты ничего не знаешь, а я... Я его уже видела.

Гачикова. Кого?

Качкова. Ну, этого... Моряка.

Гачикова. Моряка? (*Выбегает.*)

Качкова (*бросается вслед за ней. На ходу сует Мальвине пакет и легонько подталкивает старуху к двери*). Мальвина! Держи свой пакет.

Женщины уходят. Гачик смотрит им вслед.

Циро. Пан Гачик?

Гачик. Спокойно, Цирилка.

Циро. Что это значит?

Гачик. Не знаю... У нас в семье появился какой-то моряк.

Циро. А что будет со мной?

Гачик. Ты держись.

Циро. Вам хорошо говорить. А за что мне держаться?

Гачик. За наш уговор.

Циро. О пропуске не было и речи.

Гачик. Я и сам об этом забыл.

Циро. Пан Гачик!

Гачик. Спокойно.

Циро. Наш уговор распространяется только на сегодняшний вечер.

Гачик. Конечно.

Циро. Пора бы уже начинать.

Гачик. Подождем, пока все соберутся.

Циро. Пан Гачик!

Гачик. Не бойся.

Циро. А что, если они от меня еще чего-нибудь потребуют?

Г а ч и к. Переведи разговор на какую-нибудь другую тему.

Ц и р о. Стоит ли все это затевать?

Г а ч и к. Ты видишь мою разбитую голову?

Ц и р о. Вижу, пан Гачик.

Г а ч и к. Значит, должен выдержать.

Ц и р о. Я-то выдержу, но вы не затягивайте.

Г а ч и к. Разумеется. Но по такому поводу должна быть в сборе вся семья.

М и л и ц к а (*возвращается в сопровождении матери и бабушки*). Умоляю тебя, мама, не преувеличивай. В этом нет ничего особенного.

Г а ч и к о в а. Сейчас же дай мне фотографию!

Г а ч и к. Какую фотографию?

Г а ч и к о в а. Удивительное дело! Наша пятнадцатилетняя доченька получает заказные любовные письма.

К а ч к о в а. Заказные!

Г а ч и к. Кто там сигнализировал?

М и л и ц к а. Никто. Вообще никто не сигнализировал. Это нам показалось.

К а ч к о в а (*обращаясь к Циро*). Так как с пропуском?

Г а ч и к. Директор забыл выписать.

Г а ч и к о в а. Я с ним об этом поговорю в более высокой инстанции.

К а ч к о в а. Что же, это неплохо: ответственности никакой, а зарплата идет.

Ц и р о. Он немного получает. Несколько сотен — это чепуха.

К а ч к о в а. А ты откуда знаешь?

Ц и р о. Жена его часто шумит. Они внизу ругаются, а нам наверху все слышно.

Г а ч и к о в а. Вот вам, пожалуйста, воспитание.

К а ч к о в а. И такие растят вот этих.

Ц и р о. Но в остальном они что надо. А по сравнению с прежним начальством — вообще сила.

Г а ч и к о в а. С прежним начальством?

Ц и р о. При мне их много сменилось.

К а ч к о в а. Это как?

Ц и р о (*кричит*). Да так. Здешний замок — это мой третий дом родной.

К а ч к о в а. Боже мой!

Г а ч и к о в а. Директор послал нам самого что ни на есть отъявленного.

Ц и р о. Ну, нет! Если бы к вам заявился Криварчик, у вас бы глаза на лоб вылезли. За ним уже кое-что числится. Я рядом с ним — мелюзга пузатая.

Г а ч и к. Думаю, ты мог бы пока по крайней мере сесть.

Ц и р о. Могу. Только вот без бумаги...

Г а ч и к. Для меня главное человек, а не бумага.

Ц и р о. Как знаете. Я не возражаю.

Г а ч и к. А бабушка сейчас приготовит нам ужин.

К а ч к о в а. Нет. Да... То есть... (*Уходит.*)

Г а ч и к. Она не очень хорошо слышит.

Ц и р о. Значит, смеху у вас с ней хватает.

Г а ч и к о в а. Милицка, покажи ему, где вымыть руки. Будем ужинать.

Ц и р о. Как скажете.

Уходит с Милицкой в ванную комнату.

Г а ч и к о в а (*когда двери закрываются*). Я от тебя немало потерпелась, но пойти на такое безумство...

Г а ч и к. Тс-с-с... Типше. Выбирай выражения!

Г а ч и к о в а. Я? Я должна выбирать выражения... в то время как какой-то моральный урод будет жить рядом с моими детьми?

К а ч к о в а (*возвращается*). Ну все. Я ухажу окончательно и бесповоротно.

Г а ч и к. Подождите! Потерпите еще немножко.

Г а ч и к о в а. Ни секунды. Вот он вымоет руки, мы его накормим, и ты тотчас же отведишь этого парня обратно.

Г а ч и к. Постарайтесь как-нибудь дотянуть до утра. А утром придет директор и принесет все необходимое.

Г а ч и к о в а. Да я его... вместе со всем необходимым... Знаешь, что?

Г а ч и к. Тс-с-с... Тише.

К а ч к о в а. Чтобы человек в собственном доме боялся рот раскрыть? А все потому, что мы прощали тебе все твои выходки, думали, что на старости лет образумишься, а ты чем старше, тем...

Г а ч и к. Ти-ше!

Из ванной раздается визг Милицки.

К а ч к о в а. Господи! Что там происходит?

Г а ч и к о в а (*сталкивается в дверях с дочерью*). Что такое?

М и л и ц к а. Ничего. А что?

Г а ч и к о в а. Ты же вся мокрая.

М и л и ц к а. Я пустила воду, а он заткнул кран пальцем.

К а ч к о в а. Когда они только ума наберутся?! Ведь вон какие вымахали! Пол будете сами вытирать.

М и л и ц к а. Пожалуйста!

Г а ч и к о в а. Слышал, отец. Еще и пяти минут не прошло, как он здесь, а она уже — «пожалуйста»!..

К а ч к о в а. Что он там так долго делает? Боже мой! Ведь там у нас вещи. Как бы чего не украл.

М и л и ц к а. Он хочет принять душ.

Г а ч и к о в а. Пойди скажи ему, что душ не работает.

М и л и ц к а. Но он уже раздевается.

К а ч к о в а. Пресвятая богородица!

М и л и ц к а. У него татуировка — во!

Г а ч и к о в а. Где?

М и л и ц к а. На груди.

К а ч к о в а. Ты уже все увидела?

Г а ч и к о в а. Мало того, что он испорченный, так еще и татуированный!

К а ч к о в а. Пойдите кто-нибудь, скажите ему, чтобы не пускал душ, а то на полу будет лужа. Ой! По мне уже что-то ползет.

Г а ч и к. Нервы. Это бывает.

К а ч к о в а. Полотенце у него есть? Нет... Значит, будет вытираться нашим. Говорю заранее — я за ним стирать не буду.

Г а ч и к. У него есть свое полотенце... в чемодане.

Ц и р о (*входит*). Да, течет у вас будь здоров. Надо гайку подтянуть.

К а ч к о в а. Не нужно. К нам уже заходил водопроводчик, на прошлой неделе.

Ц и р о. Как знаете. Мне все равно, но завтра я мог бы все исправить.

Г а ч и к. Конечно, исправь. Наведи порядок после этого халтурщика.

К а ч к о в а. А ты в этом что-нибудь смыслишь?

Ц и р о. Поскитаешься по исправительным домам, какому-нибудь ремеслу да научишься.

Г а ч и к о в а. Это вместо школы?

Ц и р о. Школа там тоже есть.

Г а ч и к о в а. Значит, у вас все как надо?

Ц и р о. Да не скажу. Но если бы не плохая жратва, то, в общем, нормально.

К а ч к о в а. Боже мой, он же голодный!
(*Уходит на кухню.*)

Г а ч и к о в а. Сколько тебе лет?

Ц и р о. Шестнадцать.

Г а ч и к о в а. Значит, учишься в девятом классе?

Ц и р о. Почти.

Г а ч и к. Что тебе труднее дается? Математика или язык?

Ц и р о. И то и то. Так что я решил со школой завязать.

Г а ч и к. А может быть, тебе еще понравится учиться?

Ц и р о. Сомневаюсь.

Г а ч и к о в а. Ты еще слишком молод, чтобы решать, стоит тебе учиться или нет.

Циро. А вы? Вы, наверное, учительница? Точно?

Гачик (жене). Смотри-ка. Паренек наблюдательный.

Циро. Любую учительницу легко можно узнать по тому, как она разговаривает.

Качкова вместе с Милицкой накрывают на стол.

Гачик. Так... Прошу к столу.

Циро. Но...

Милицка. Приятного аппетита.

Циро (сразу же набрасывается на еду). Приятного...

Гачикова (смотрит на Циро, потом глядит поочередно на членов своей семьи). Ну хорошо... Расскажи нам что-нибудь о себе. Как ты докатился до исправительного дома?

Циро. Пожалуйста... расскажу.

Качкова. Можешь ничего от нас не утаивать. Мы дальше не понесем.

Циро. А у меня и нет никаких тайн. Все, собственно, началось из-за маминей должности.

Гачикова. Из-за должности?

Циро. Ее сделали начальницей. Если бы не это, у меня была бы вполне счастливая юность.

Гачик. Значит, мы должны так понимать, что мать тебе...

Циро. ...Понапрасну осложнила жизнь.

Гачикова. Ты бы рассказал поподробнее, как все это было.

Циро. Обыкновенно.

Гачикова. Значит, твоя мать...

Циро. ...Родила меня раньше, чем следовало. Печально, но я тут не виноват.

Качкова. Может, поговорим об этом в другой раз?

Циро. Замуж она вышла значительно позже. Я эту свадьбу никогда не забуду. Поверите ли, я тогда напился первый раз в жизни. Мне

было девять лет. Я все это помню как сейчас. Назююкался, как говорится, до положения риз. (Гачику.) А вы помните, как вы впервые были в положении?

Гачик. Я?

Циро. Понимаю, это было так давно, что вы уже и не помните.

Гачик. Я... Я никогда не был в положении.

Циро. Правда? (Смотрит на женщин. Те кивают.) Вы больной. Поэтому и не можете. Ох, тоска зеленая.

Гачикова. Итак, твоя мать...

Циро. Мы с ней прекрасно жили и понимали друг друга. А потом появился тот пап, который должен был стать мне отцом, а за ним — сразу две сестры. Дальше все, как положено: мы стали действовать друг другу на нервы.

Качкова. В твои-то годы? Нервы?

Циро. Э... и такое бывает. Вот мне и пришлось драпануть из дома.

Гачикова. Ты убежал из дома?

Циро. Пытался. Три раза. И все три раза — неудачно.

Гачикова. А как к этому отнеслись в школе?

Циро. Устроили цирк.

Гачикова. А мать?

Циро. Она все говорила, что из-за такого сына кончит жизнь самоубийством.

Качкова. Еще бы!

Гачик. А тот пап?.. Твой... отец...

Циро. Неродной?

Гачик. Он держал тебя в ежовых рукавицах?

Циро. Да нет. Он спокойный, тихий, но в то же время — лицемер. Я его быстро раскусил.

Гачик. Почему ты думаешь, что он лицемер?

Циро. Это он подговорил мать избавиться от меня.

Качкова. Боже мой...

Циро. Когда в школе сказали, что предлагают направить меня на воспитание в исправительный дом, она прикинулась обиженной и заявила, что сама со мной справится. А потом, ясное дело, подключился мой повый папенька. Он крупный работник и, конечно, сумел подыскать хорошее место и для нее. Тогда я в очередной раз попытался удрать из дома. По этому поводу в школу пришел сам инспектор. Со мной он разговаривать не стал, но я слышал, как он в директорской говорил маме о воспитании, морали и всяких таких вещах. А она ему, что у нее остается очень мало времени: работа, совещания, заседания, активы. А он ей на это сказал, что ее как работника можно заменить когда угодно и кем угодно, а вот заменить ее как мать, это почти невозможно. Вы бы ее видели, когда она от него вышла! Дома она меня как следует выдрала, а потом согласилась на этот интернат. Даже не возразила, когда ей сказали, что с нее будут брать больше, чем с других.

Качкова. Сколько же она платит?

Гачикова. Она к тебе ходит?

Циро. Нет. Но они прислали мне открытку ко дню рождения. Оба подписались.

Качкова. Боже мой... Ну-ну, ешь, бери еще... Даже подарка тебе не послали. Что же это за люди? Так относиться к собственному ребенку!

Гачикова. А сестры? К ним родители относились так же, как к тебе?

Циро. Те еще пеленки мочили... В яслях... Их на всю неделю туда отдавали...

Гачик. А никаких других родственников у тебя нет?

Циро. Есть еще какой-то дядя, но он за границей. Даже не знаю где.

Гачикова. Дома из-за тебя никогда не ссорились?

Циро. Они-то? Да они друг друга обожают.

И о том, чтобы от меня избавиться, по-тихому договорились.

Качкова. Ну что вы без конца его спрашиваете? Дайте ему поесть.

Циро (*отодвигает тарелку, а неиспользованную бумажную салфетку протягивает Милицке*). Не собираешь?

Милицка. Еще чего не хватало...

Циро. Пардон. Ясенько. Пионерские бабы уже не для тебя.

Качкова. Наелся?

Циро. Да. Все отлично, но... (*Осматривается*.) Вы все некурящие...

Гачик. Хочешь закурить?

Гачикова. У нас не курят.

Милицка. Я знаю, где у Радо спрятаны сигареты.

Гачикова. Что? Он курит?

Гачик. Почему его опять так долго нет?

Гачикова. На тренировке.

Гачик. Я не видел его уже, наверное, недели две.

Гачикова. Прекрасный отец! Собственно-го сына неделями не видит, а еще собирается чужого воспитывать.

Циро. Со мной у вас хлопот не будет. Я к муштре приученный.

Качкова. Тяжело тебе там приходится, а?

Гачикова. Ну вот. Мама уже растаяла.

Качкова. А с кем его положим спать?

Циро. С кем?

Гачик. Мама хотела сказать «где». Видишь ли, квартира у нас небольшая. В каждой комнате спят по двое.

Гачикова. Раздвинем диван и уложим его вместе с Радо.

Циро. Я могу переночевать где угодно. А завтра мне принесут раскладушку. Постель — это не проблема.

Гачикова. Нам хватит... того, что у нас есть... (*Милицке*.) Сбегай с ним наверх. Принесите с чердака одеяло.

Милицка стоит задумавшись.

Циро. Пошли. У них сейчас будет совершенно секретный разговор.

Милицка и Циро уходят.

Гачик. Этот парень соображает не хуже взрослого мужчины. Так что думайте, что при нем говорите.

Качкова. Я бы сказала его матери несколько «теплых» слов.

Гачикова. Что будем делать?

Качкова. Отправим его обратно к родителям.

Гачикова. Я спрашиваю, что будем делать сейчас?

Гачик. А ты что решила? Все еще собираешься от него отказаться?

Качкова. Теперь это невозможно...

Гачикова. Мама, прошу тебя... Вы ничего не заметили?

Качкова. Господи! О чем это ты?

Гачикова. Я в эту игру не вступаю ни при каких обстоятельствах.

Гачик. Почему же?

Гачикова. Может быть, и ты оглох? Ты что, ничего не слышал? Разве сам не видишь? Ведь это не обыкновенный парень, а трудно-воспитуемая личность. И вы хотите отважиться?..

Гачик. Ты думаешь, у нас для этого руки коротки?

Качкова. Боже мой, не приплётайте сюда политику.

Гачик. Твоя мать никогда специально не занималась педагогикой, и то дело говорит. А ты, как учительница, должна бы знать, что воспитание — это процесс, в котором главное — распутать клубок, потянуть за нужную веревочку.

Сверху раздается пронзительный визг Милицки. Все замирают от неожиданности.

Гачикова (после паузы). Ну, вот... Пожалуйста... Теперь можешь распутывать.

Сцена погружается в темноту.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Час спустя, там же. Тишина. На раздвинутом диване лежит Циро. В темноте светится огонек его сигареты. Раздается скрип двери.

Явление первое

Циро и Милицка

Циро ныряет под одеяло. В дверях появляется одетая в пижаму Милицка. Она вглядывается в темноту и чувствует запах дыма.

Милицка (*удивленно*). Ты здесь куришь?

Циро (*осторожно высовывает голову из-под одеяла*). С чего ты взяла?

Милицка. А что же ты делаешь?

Циро. Сплю.

Милицка. Нет, не спишь.

Циро. Тебе какое дело?

Милицка. Тише.

Циро. А я и так тихо.

Милицка. Слушай!

Циро. Что?

Милицка. На улице никто не сигналил?

Циро. А кто должен сигналить?

Милицка. Должны были три раза прогудеть. Ты не слышал?

Циро. Нет.

Милицка. Странно. Ведь сегодня четырнадцатое?

Циро. Пока еще да. Кого-то ждешь?

Милицка. Никого.

Циро. Значит, ты меня разбудила просто так?

Милицка. Ты же не спал.

Циро. Почему ты знала, что я не сплю?

Милицка. Интуиция.

Циро. Чудно! Гудеть на всю улицу среди ночи! Разве нельзя было договориться, чтобы он тихонько свистнул и не подымал весь дом на ноги?

Милицка. Ты ничего не понимаешь.

Циро. Да? Тогда зачем ты ко мне пришла?

Милицка. Если вдруг что-нибудь услышишь... Мы с бабушкой спим в комнате за кухней.

Циро. Значит, если три раза погудят, тебя позвать? Я все равно до утра не усну.

Милицка. Тогда тихонечко позовешь.

Циро. А ваши? Они об этом знают?

Милицка. О чем?

Циро. Ну, что у тебя свидание... ночью?

Милицка. А твое какое дело?

Циро. Уж больно ты смелая.

Милицка. Да, смелая... и вообще... Я хочу, чтобы ты остался у нас.

Циро. Рехнулась!.. Ты что, на самом деле этого хочешь?

Милицка. А почему нет?

Циро. Ну и ну! Ты явно в отца пошла...

Милицка. Разве плохо?

Циро. Я бы никогда не согласился, чтобы ко мне в дом привели чужого, да еще рядом со мной спать положили.

Милицка. Отец действительно хотел как лучше.

Циро. Твой отец вообще...

Милицка. ...Прелесть! Только его никто не желает понимать.

Циро. Да разве такое поймешь? Это он хитро придумал... привести к себе в дом одного из тех, кто его избил.

Милицка. Значит, это были ваши?

Циро. А ты сомневалась?

Милицка. Но тебя же среди них не было.

Циро. Дело не в этом.

Милицка. Мне ты можешь все сказать. Честное слово, можешь. Я тебя не выдам.

Циро. Для чего тебе знать?

Милицка. Я бы отомстила за отца.

Циро. Ах ты, боже мой! Это ты небось кино насмотрелась.

Милицка. Думаешь, сегодня это уже не модно?

Циро. Для таких дел есть специалисты.

Милицка. А если их не найдут?

Циро. Тогда и мстить не придется.

Милицка. Ты, я скажу, тоже хорош... Так напугать наших...

Циро. Чем?

Милицка. Наговорил на себя, что ты такой...

Циро. Какой?

Милицка. Мама боится, сумеем ли мы с тобой... Понимаешь, мы, как...

Циро. Вот это да!

Милицка. Подожди... Я им сказала, что самое главное потянуть за нужную веревочку.

Циро. Это ты о чем?

Милицка. О тебе.

Циро. За что меня нужно потянуть?

Милицка. Вот этого я еще не знаю.

Циро. Ты сама не понимаешь, какую чушь несешь.

Милицка. Конечно, тебе трудно. Ведь правильное воспитание...

Циро. Это что?

Милицка. Это трудный процесс...

Циро. Так ты поэтому ко мне пришла? Поговорить о воспитании? Ночью? В пижамах? Сидишь тут в темноте с незнакомым парнем...

Милицка. Тебе это не нравится? Пойми, я вижу в тебе прежде всего человека, а уже потом правонарушителя. Хотя у мамы другое мнение.

Циро. Смехота! А по какому образцу она тебя воспитывает?

Милицка. Меня?

Циро. Система правильного воспитания, пункт такой-то и такой-то. В воспитании надо проявлять последовательность. Во-первых, при серьезном разговоре с воспитуемой голос необходимо повысить. Во-вторых, когда обсуждаются щекотливые вопросы, воспитуемую следует удалять за дверь. В-третьих, если она вернулась, а взрослые еще не закончили свои дебаты, они должны либо замолчать, либо перейти на непонятный воспитуемой иностранный язык. Так?

Милицка. Откуда ты это знаешь?

Циро. На мне эти методы тоже проверялись.

Милицка. Все можно делать гораздо проще. Сегодня каждый из нас воспитывает себя сам.

Циро. А они не хотят понять, что при системе самообслуживания покупателю не суют в корзинку товар, который ему не нужен.

Милицка. Точно. Послушай, а кто это сказал?

Циро. Это я тебе говорю.

Милицка. Но где ты это вычитал?

Циро. Разумеется в...

Милицка. Я... обожаю читать именно то, что не разрешают. Мне на днях дали почитать «Современную сексологию»... Вот это книжка!

Циро. А нас просвещал какой-то психолог, рассказывал о венерических заболеваниях. Теперь это модно... Он старался говорить с нами по-свойски. Но взрослых надо держать на расстоянии. Половина того, что они говорят (а может, даже меньше), — правда, зато все остальное — мыльный пузырь. Дунь — и лопнет.

Милицка. Но для меня хуже всего то, что они не дают возможности ничего им объяснить. Ведь все можно обсудить. Разве нет? А у нас любая попытка что-то растолковать сразу пресекается. В нашей семье это называется оперативным подходом. Так поступают и с Радо и со

мной... Со мной все обсуждения чаще всего кончаются обычной грубой пощечиной.

Циро. Я бы несколько не возражал против пощечины. Только настоящей! Такой, которая не описана ни в одном учебнике педагогики. Когда я только что попал в исправительный дом, я однажды заработал оплеуху у нашего учителя. Ну и треснул же он меня! Зато потом я чувствовал себя намного умнее. А он был мужик что надо. Он меня ударил не из злости и не для того, чтобы сохранить свой авторитет, как это делает большинство взрослых... Я его любил. Да и все мы его любили. Только потом его уволили.

Милицка. Послушай, Циро. А ты, оказывается, совсем не такой чокнутый, как мне вначале показалось. У тебя есть девчонка?

Циро. Сомневаешься? Само собой... Как только будет можно, мы поженимся.

Милицка. Тише!

Циро. Что? Гудят?

Милицка. Нет. Кто-то идет.

Циро. Где?

Раздаются шаги.

Прячься скорей!

Милицка. А она красивая?

Циро. Тс-с-с... (Накрывает ее одеялом Радована.)

Явление второе

Те же и Гачик.

Гачик останавливается в дверях. Он в ночной рубашке, в руке — карманный фонарик. Светя перед собой, он на цыпочках идет через комнату в кухню.

Милицка. Куда он прошел?

Циро. Куда, по-твоему, ходят в ночной рубашке?

Милицка. Я побегу.

Циро. Подожди, а то, когда пойдешь мимо, он тебя увидит.

Милицка. Не могу же я лежать здесь.

Циро. Лезь под диван, если тебе там удобнее.

Милицка. Он на тебя светил?

Циро. Светил, но ничего не заметил.

Милицка. Откуда ты знаешь?

Циро. Он был без очков.

Милицка. Как ты думаешь, который сейчас час?

Циро. Тс-с-с...

Скрипит дверь.

Гачик (возвращается в комнату, шарит по стенам фонариком и медленно обходит диван. Циро притворяется спящим, но Гачик, стоя над ним, светит ему прямо в глаза). Послушай, Цирил!

Циро не отвечает. Гачик присаживается на диван и осторожно трясет его за плечо.

Цирилка!

Циро. Что?.. Что такое?.. А?

Гачик. Ты спишь?

Циро. Вот... Как раз засыпал.

Гачик. А мне показалось, ты не спишь.

На новом месте плохо спится.

Циро. Мне не привыкать.

Гачик. А что, Радо уже спит? Когда же он вернулся?

Циро. Когда? Не знаю... Я уже спал.

Гачик. Значит, начнем завтра с утра. Как условились.

Циро. Пожалуйста... Может, нам лучше выйти на кухню и там поговорить?

Гачик. Нет, нет. Рядом с кухней спят теща и Милицка. У них очень чуткий сон, а наш разговор не для их ушей.

Циро. Говорите тише и погасите фонарик.

Гачик. Спокойно, Цирилка. Не бойся.

Циро. Я? Я спокоен.

Гачик. Почему же ты трясешься?

Циро. Это вам кажется.

Гачик. Тогда — ближе к делу.

Явление третье

Те же, Качкова и Гачикова

Качкова (*появляется в дверях*). Милицка!

Гачик (*удивленно смотрит на тещу*). Что?

Качкова. О боже... Кто здесь?

Гачик. Спокойно. Это я...

Качкова. Доминик? А где девочка?

Гачик. Какая девочка?

Качкова. Твоя дочь...

Гачик. Она же спит.

Качкова. Где? В кровати ее нет.

Гачик. Не может быть.

Качкова. Боже праведный. Чуяло мое сердце. Убежала... С моряком.

Гачик. Это тебе померещилось... со сна.

Качкова. Померещилось?! Мне никогда ничего не мерещится! Кровать-то пустая!

Гачик. Но... этого не может быть. (*Идет к дверям вслед за Качковой.*)

Милицка (*высовываясь из-под одеяла*). Что делать? Ну мы и влипли!

Циро. Лежи!.. Не высовывайся! (*Накрывает ее еще и своим одеялом.*)

Гачик (*возвращается взволнованный*). Цирилка! А ты?.. Ты не заметил? Ведь она должна была пройти мимо тебя.

Циро. Я... Я крепко спал, пап Гачик.

Качкова (*открывает дверь в спальню супругов*). Ангелика! Вставай!

Гачик. Спокойно. Без паники. У нее слабое сердце. Как бы с ней чего... Нам только этого не хватало.

Гачикова (*испуганно вбегает в комнату*). Что? Обокрал?

Качкова. Вот они — результаты твоего воспитания! Чуяло мое сердце.

Гачикова. Что пропало? Деньги?

Качкова. Милицка! Девочка наша пропала! У нее еще молоко на губах не обсохло, а она уже с матросами переписывается.

Гачикова. Милицка?! Доминик! Не стой здесь.

Гачик. А где же мне стоять?

Качкова. Он еще спрашивает! А ну поднимайтесь!.. Все! Радо! Вставай! Твою сестру могут изнасиловать. (*Энергично сдерживает одеяло с Милицки.*)

Пауза.

Милицка. Меня... Ничего со мной...

Гачикова. Что это значит? Доминик! Воды!

Гачик. Валерьянку...

Качкова. И неотложку.

Гачик. Милицка. Золотко мое. Что это значит?

Милицка. Ничего. Абсолютно ничего.

Гачик. Как это ничего? Куда ты улеглась!

Гачикова. В собственном доме! На диване! И с правонарушителем!

Гачик. Да... Ситуация...

Качкова. Страшная!

Гачик. Не страшная, а просто совершенно особая!

Гачикова. Скандальная.

Гачик. Ангелика! Тебе плохо?

Милицка. Я принесу тебе воды.

Гачикова (*кричит*). Ни с места! Я хочу знать, что у вас тут было.

Циро. Если вы думаете, что мы...

Гачикова. Я мать, и я должна все знать.

Циро. Так ничего же... Может быть, мы начнем, пап Гачик?

Гачик. Одно с другим не путай!

Гачикова. Если я не сойду с ума сейчас, то уже никогда не сойду. Доминик, неужели ты знал об этом?

Гачик (*Милицке*). Можешь нам объяснить, что ты здесь делала?

Милицка. Пожалуйста. Я пришла попросить его, чтобы он меня разбудил, если услышит, что на улице три раза прогудели.

Гачикова. Прогудели? Ты мне язык не заговаривай.

Гачик. Успокойся.

Гачикова. Чего ты меня успокаиваешь? Думаешь, я поверю ее выдумкам?! Да они же белыми нитками шиты!

Милицка. Это не выдумки, а правда.

Циро. И ничего невероятного в этом нет.

Милицка. Что факт, то факт.

Качкова. В годы моей юности такие вещи назывались по-другому...

Гачикова. Я тебе покажу «факт». Факт— это то, что мы застали вас вместе.

Циро. Я лежу там, куда вы меня сами положили.

Гачикова. Замолчи, хулиган! Ни слова больше!

Циро. Раз такое дело, пожалуйста.

Милицка. Он тут ни при чем.

Циро. И она... Она тоже не виновата.

Гачикова (*мужу*). Ты слышишь? Вот их понятие о морали! Еще кончится тем, что они нас же обвинят, что мы их накрыли в нашей собственной квартире!

Гачик. Ангелика... Ты просто разнервничалась... Ничего такого не могло случиться.

Милицка. И не случилось.

Гачикова. Молчать!.. Молчать!..

Циро. Конечно... Молчание — знак согласия. Но с чем мы должны согласиться? С тем, что вы тут навывдумывали, хотя ничего и не произошло?

Гачикова. Доминик... Попроси его помолчать!

Циро. Как знаете... но только это нечестно.

Милицка (*обращаясь к Циро*). А ты мне еще не верил, когда я говорила, что у нас в семье ни с кем невозможно поговорить нормально.

Гачик. Почему невозможно? Давайте поговорим!

Гачикова. О чем? О чем ты собираешься разговаривать с пятнадцатилетней дочерью, которую застал в кровати с парнем... От такого шока можно на всю жизнь больной остаться.

Циро. Боюсь, что настоящий шок у вас еще впереди, пани Гачикова.

Гачикова. Замолчи! Не думай, что если ты сын ответственных работников, то тебе все прощается...

Гачик. Где Радо?

Гачикова. Где? На баскетболе. Их команда готовится к первенству. Тебе бы следовало это знать в первую очередь... Ты все же отец!

Циро. Может быть, сходить за ним?

Гачикова. Спать... Сейчас все пойдут спать.

Качкова. А утром на свежую голову решим...

Гачикова (*Милицке*). Ты пойдешь со мной. И с этой минуты будешь спать около меня.

Милицка. А как же папа?

Гачикова. Мне с ним ночью не о чем разговаривать.

Женщины уходят.

Гачик (*после паузы*). Надеюсь, Цирилка, ты ее понимаешь. Она — мать. Когда у тебя будут собственные дети, ты ее еще вспомнишь. И однажды поймешь, откуда берутся нервы и что это вообще такое.

Циро. Надеюсь.

Гачик. Спокойной ночи.

Циро. Подождите, пан Гачик.

Г а ч и к. Что еще?

Ц и р о. Уже идет.

Г а ч и к. Кто?

Циро показывает на дверь, за которой раздаются шаги. Гачик быстро гасит свет и прячется у окна за штору.

Явление четвертое

Циро и Радо

Радо открывает дверь, осторожно снимает ботинки, делает несколько шагов по комнате и, привыкнув к темноте, замечает, что на раздвинутом диване кто-то лежит. Он удивленно останавливается, потом идет к дверям родительской спальни и только тут понимает, что уже далеко за полночь. Затем он вспоминает, что Милицка ждала вечером гостя. Улыбаясь, он начинает раздеваться. Подойдя к дивану, склоняется над спящим Циро.

Радо (*шепотом*). Юнга с Адриатики? Вот здорово!

Как только Радо устраивается на диване, Циро садится в постели. Радо протягивает ему руку.

Радо. Здраво, другар... Ну, как? Хорошо спится на суше? Это тебе не море. Здесь не качает.

Циро. Чего?.. Что ты болтаешь?

Радо (*удивленно*). Ты понимаешь по-словацки?

Циро. Ты что... чокнутый?

Радо. Я? (*Вскакивает с дивана.*) Ты кто такой?

Циро. Что ты вскочил?

Радо (*включает свет*). Это ты?..

Циро. Я.

Радо. Что ты здесь делаешь?

Циро. Сплю, как видишь.

Радо хочет стащить Циро с дивана, но тот крепко хватает его за руку.

Радо. Как ты сюда попал?

Циро. Тише ты, а то...

Радо. Что а то?

Циро. Сам знаешь что... Я здесь в гостях. И если ты пикнешь, я тебя...

Радо. Пусти! Пусти сейчас же!

Циро. А то ты позовешь на помощь?.. Кого? Мамочку?

Радо. Идиот!

Циро. Уж если кто идиот, так это ты. При чем самый настоящий.

Радо. Отпусти, скотина.

Циро. Наконец-то я слышу интеллигентную речь. Надеюсь, мы с тобой договоримся? А?

Радо. Кончай шутить. Как ты сюда попал?

Циро. Отгадай.

Радо. Не знаю.

Циро. Меня взяли на воспитание.

Радо. Очередная гениальная идея отца?

Циро. Спроси лучше его самого.

Радо. А может быть... Ага, понимаю... Он узнал тебя на допросе? (*Неожиданно набрасывается на Циро и хватает его за горло.*)

Циро. Осторожно, я боюсь щекотки. (*С силой сжимает оба запястья Радо.*)

Радо. Ладно, хватит... (*Извиваясь от боли.*) Пусти, псих. Ну у тебя и ручищи!

Циро. Самые обыкновенные.

Радо. Придумал же отец! Не мог он, что ли, сразу же сдать тебя в полицию?!

Циро. Как видишь, не сдал.

Радо. Наверное, хочет испытать на тебе какой-нибудь новый метод?

Циро. Не знаю. Сам у него спроси.

Радо. И тебя оставили тут одного? Без присмотра?

Циро. Как видишь... Мне здесь доверяют.

Радо. Конечно, им невдомек, когда они имеют честь принимать...

Циро. Я им представился... И мы договорились.

Радо. О чем?

Циро. О том, как здесь надо все организовать... Режим дня, взаимоотношения со взрослыми...

Радо. Чего ты треплешься?

Циро. Разговаривай с гостем повежливее. Я здесь на воспитании. Исправительный дом за меня платит. Ясно?.. Ваши хотят наставить меня на ум... Ну, чего зенки вылупил? Тебе перевести, чтобы лучше понял?

Радо. Это, конечно, отец все придумал.

Циро. Не знаю, придумал или вычитал, но факт то, что это эксперимент.

Радо. Слушай, ты! Если меня выдашь, убью.

Циро. Не вздумай снова меня щекотать!

Радо. Значит, ты собираешься у нас оставаться?.. Жить?

Циро. Ну...

Радо. Надолго?

Циро. Откуда я знаю. Пока вы меня не перевоспитаете. А это зависит не только от меня.

Радо. Я тебя сейчас как тресну! Да я тебя...

Циро. Смотри не перестарайся, а то портки лопнут...

Радо. Нет... так дальше не пойдет. С этим надо покончить раз и навсегда. Я сейчас же всех подниму. Ведь они понятия не имеют, какого гостя мне подсунули.

Циро (*силовым приемом опрокидывает Радо на диван*). Полежи немного, не спеши. Никого будить не надо. Они все только что пошли спать. Наверное, еще не могут отдышаться после той сцены.

Радо. Какой сцены?

Циро. Да они застали тут со мной твою сестру.

Радо. Что?.. Где?..

Циро. Здесь, под твоим одеялом.

Радо. Тебе череп ни разу не прошибали?

Циро. Пока нет, но, если хочешь, можешь попробовать... Ну, покажи, как это делается!

Радо. Послушай, ты... Выкладывай все начистоту! Чего тебе тут надо?

Циро. Я ж тебе говорю: меня взяли на воспитание.

Радо. Заткнись!

Циро. Хватит психовать.

Радо. Послушай...

Циро. Не шуми, они все очень чутко спят.

Радо. Я тебя слишком хорошо знаю.

Циро. А я — тебя.

Радо. Ты действительно не врешь?

Циро. Вначале я думал, что утром они отправят меня назад, а потом... Потом они, видно, передумали.

Радо. И что ты собираешься здесь делать?

Циро. Ты будешь помогать мне по математике, твоя сестра — по языку. А я займусь работой, которую вы никто делать не желаете. Краны и трубы у вас подтекают, около дома беспорядок... В общем, утром разберемся.

Радо. Идиотизм какой-то! Просто с ума сойти.

Циро. Спокойно! Как советует пан отец. Возможно, ты от этого идиотизма выиграешь больше всех.

Радо. Я? Чего ты там еще задумал?

Циро. Так я полагаю, мы сможем договориться...

Радо. Мы с тобой?

Циро. Да, мы с тобой.

Радо. О чем?.. Чего ты привязался?

Циро. Пан отец распорядился, чтобы я дождал тебя здесь. Он очень на меня рассчитывает. Так что теперь я буду тут по ночам дежурить.

Радо (*повернувшись к нему спиной*). Ну и дежурь.

Циро. Не знаю, как ты собираешься всю эту кашу расхлебывать, но скоро затрещит будильник... и закрутится такая карусель...

Лучше бы нам с тобой обо всем договориться, пока мы тут вдвоем.

Радо. Мне не о чем с тобой договариваться.

Циро. Как знаешь. *(Тоже поворачивается к нему спиной.)*

Радо *(после паузы)*. Слышишь, ты...

Циро. Я сплю.

Радо. Если пикнешь...

Циро. Ну вот, опять ты заводисься. А что, если я уже... Думаешь, я сюда просто так вторюсь? Ради твоих прекрасных глаз?

Радо. Чего тебе здесь надо? Чего еще ждешь? Надеешься, что я буду плакать тебе в жилетку?

Циро. Не ори. Не поможет.

Радо *(бросается на Циро)*. Тебе это дорого обойдется!

Циро *(ловко повалив Радо)*. Решил свести счеты? Пожалуйста!

Радо. Псих! Ты меня задушишь!

Циро. Ничего... не задушу.

Радо. Чего ты хочешь?

Циро. А ты не догадываешься?

Радо. Хватит с меня твоих намеков! Говори, чего ты хочешь!

Циро *(кричит)*. Хочу, чтобы ты громко сказал. Понимаешь? Громко! Чтобы все слышали! Кто разбил голову твоему отцу? Отвечай! Громко!.. Кто ударил по голове пана отца?

Гачик быстро выходит из-за шторы и открывает двери во все комнаты.

Циро. Ну-ка громко скажи всем, как было, чтобы люди зря не гадали и не подозревали, кого не надо.

Радо. Пусти... Пусти меня!

Циро. Сначала скажи то, что должен сказать.

Гачикова *(вбегает в комнату)*. Домшник! Что ты стоишь?! Он же его задушит!

Гачик. Не бойся. Захват применен по правилам.

Гачикова. Отпусти его! Сейчас же отпусти нашего сына!

Циро. Не могу. Если я его отпущу, он вам ничего не скажет.

Гачикова. Что он должен нам сказать?

Циро. Кто пробил голову пану Гачику.

Гачикова. Боже мой! Он знает?

Циро. Конечно.

Гачикова. Звоните в полицию.

Гачик. Спокойно.

Циро *(усаживаясь верхом на Радо)*. Ну? Что-то ты долго тянешь. Не можешь вспомнить? Кто это был? Кто пробил голову собственному отцу? Кто нападает ночью на прохожих? Кто угрожал избить Небожеца за то, что он правильно засчитал голы нашей команде, а не вашей, в которой давно уже нет ни одного порядочного спортсмена, а собрались одни спекулянты? Кто в этом городе наводит на людей страх? Мы, из исправительного дома, или вы, благополучные подонки, свободно расхаживающие по городу и добывающие спортивную славу кулаками?

Гачикова. Не может быть.

Циро. Может.

Гачикова. Радо! Ты?

Циро. Хорошо, я его отпущу. Пусть лучше скажет правду шепотом, на ухо каждому из вас, чтобы нам не пришлось краснеть всем вместе.

Радо молчит.

Гачикова. Радо? Радик? Что с тобой?

Циро. Он думает. Не знает, как вам лучше объяснить. Уж больно щекотливая ситуация — сын разбил голову собственному отцу.

Гачикова. Я это предчувствовала.

Гачик. Многие предчувствовали.

Циро. Только никто не осмеливался сказать это вслух.

Гачикова. А ты? Ты откуда знаешь?

Циро. Я тоже всего лишь предчувствовал, но когда он пригрозил мне, что если я пикну...

Радо. Дело было так...

Циро. Погоди. Я здесь лишний. *(Начинает одеваться.)*

Гачик. Ты куда?

Циро. К себе, в свой замок.

Гачик. Цирилка!

Циро. Согласитесь, пап Гачик, что воспитываться в такой семье рискованно. Разве нет?

Качкова. Боже мой...

Гачикова. Ты никуда не пойдешь!

Циро. Не бойтесь. В полицию я не побегу. Достаточно, что об этом знаете вы.

Гачикова. Хватит. Мы сами сделаем выводы. Но за тебя... За тебя мы тоже в ответе.

Циро. Да это все ерунда, пани Гачикова.

Милицка *(подает ему платок)*. Вытри лицо.

Качкова. Боже мой, у тебя на лбу кровь!

Циро. Ничего. Это он меня поцарапал. Вам бы следовало ему ногти подстричь.

Качкова. Если б только ногти! И эти лохмы, и бакенбарды...

Гачик. Пойди умойся! Быстро!.. Не могу видеть кровь.

Милицка открывает дверь в ванную. Циро выходит.
Пауза.

Радо. Так вот... Дело было так.

Гачикова. Я ничего не хочу слышать!

Гачик. Нет, Ангелика. Мы должны его выслушать.

Радо. То, что у тебя разбита голова... В общем, произошла ошибка.

Качкова. Ошибка? Четыре шва — это ошибка?

Радо. Никто против тебя ничего не имеет.

Гачик. А на кого же вы устроили засаду? Что это за счеты, которые надо сводить в темноте?

Гачикова. Я давно говорю, что то, чем он занимается, не имеет никакого отношения к спорту.

Гачик. Будь осторожна, дорогая, а то опять попадешь в аут.

Гачикова. Я?

Гачик. Мы пропустили гол. От этого никому да не денешься.

Гачикова. Пожалуйста, говори человеческим языком. Я терпеть не могу эти твои заушные сравнения.

Гачик. Ты зря думаешь, что дело в спорте — нам надо поговорить о другом, о самих себе.

Гачикова. Не смотри на меня так, будто ты меня не понимаешь, будто я одна виновата, что твой собственный сын...

Гачик. Ты прекрасно читаешь мысли по глазам.

Гачикова. Дело не в этом.

Гачик. Но как бы то ни было, мы должны признать, что наш сын... забил гол... в ворота собственной команды.

Гачикова. Но он же говорит, что это была ошибка...

Гачик. Мы в нашей семье никогда не обсуждали допущенные ошибки. А тем более прямо, открыто и принципиально. Всегда стремились отбросить их в аут. Правда, мамочка?

Гачикова. Брось, пожалуйста, эти аллегории.

Гачик. А теперь нам деваться некуда. Приходится играть в открытую.

Милицка. Наконец-то можно будет поговорить!

Качкова. А ты иди оденься. В доме чужой парень — нечего прыгать тут полуголой... в такой серьезной ситуации. *(Уходит вместе с Милицкой.)*

Гачикова (*оставшись в комнате с мужем и сыном*). Доминик! Это ты все подстроил!

Гачик. По-твоему, я специально дал возможность собственному сыну проломить мне голову, чтобы доказать самому себе, что как отец я ничего не стою.

Гачикова. Эта твоя затея... пригласить к нам в дом...

Гачик. ...Трудновоспитуемого и нравственно испорченного подростка, чтобы он убедил нас в нашей неспособности...

Гачикова. Такое могло взбрести в голову только тебе.

Гачик. Хотя я не предполагал, что он сумеет проделать все это так мастерски, да еще в первую же ночь.

Гачикова (*кричит*). Какой позор! Такого в нашем городе никогда не было. На глазах у всех выметать сор из избы!..

Гачик. Почему ты кричишь на меня? Ты ведь знаешь, кто виноват в этом позоре!

Радю. Я говорю, это была ошибка.

Гачикова. Ничего бы не случилось, если бы ты сам не совал нос в чужие дела.

Гачик. Как ты можешь закрывать глаза на то, что произошло?

Гачикова. Потому что я стараюсь заглянуть вперед и думаю обо всех нас, в том числе и о тебе. Через несколько дней голова у тебя заживет, а твоего сына, как только слух разнесется по городу, выгонят из школы.

Гачик. Весь этот разговор останется между нами. Никто не собирается ничего разглашать. А заявление в суд я напишу анонимно.

Гачикова. Неужели ты на это способен? Донести на собственного сына?

Гачик. Конечно, кое-что может просочиться, если Цирилка не будет держать язык за зубами. Он вернется в замок и, неровен час, проговорится ребятам. Вот когда они повеселятся!

Гачикова. Поэтому я и говорю, что его никуда нельзя отпускать.

Гачик. Ты серьезно?

Гачикова. Абсолютно серьезно. Он останется здесь, а об остальном я с ним договорюсь.

Гачик. Ангелика, я хочу тебя предостеречь. Моральное давление на подростка его возраста крайне опасно.

Гачикова. Будь добр, предоставь мне самой решать моральные проблемы.

Гачик. Если все направить в пужное русло, Радю заслуженно получит тройку по поведению, этим дело и кончится.

Гачикова. И, окончив школу, он останется без всяких перспектив.

Гачик. Ты же не хочешь, чтобы наш сын и дальше хитрил и изворачивался.

Гачикова. В данном случае речь идет о родном, а не о чужом ребенке.

Гачик (*сыну*). А ты? Как ты на все это смотришь? Что тебе подсказывает твоя гордость... честь?

Радю. Пойми, отец. В подобной ситуации такие романтические понятия...

Гачик. Ангела, я советую тебе как следует подумать. Вспомни, что ты говорила вчера вечером. Цирилка не обычный парень. Знаешь, что из этого может получиться?

Гачикова. Его родители — ответственные работники, и, если что не так, я могу им угрожать.

Гачик. И это ты называешь воспитанием?

Гачикова. Сейчас не время анализировать.

Гачик. А когда? Когда у нас наконец появится для этого время?

Гачикова. Найдется. Только сейчас, прошу тебя, не вмешивайся ни во что!

Гачик. Ты хочешь сказать, что...

Гачикова. Не доводи меня своими вопросами. Мальчишка может сюда войти в любую минуту... и мы должны быть готовы...

Гачик. Учти, что, если ты решила играть этот вариант партии, каждый новый ход грозит тебе матом.

Радо. Отец, пойми. Мама права. В данной ситуации...

Гачик. Необходимо мужественно взглянуть правде в глаза. Другого выхода нет. *(Идет к двери в ванную.)* Цирилка!.. Циро?

Гачикова. Что ты собираешься делать?

Гачик. Сейчас увидите. Я не собираюсь ничего от вас утаивать. С сегодняшнего дня в нашей семье все будет говорить в открытую. Циро?

Качкова *(тоже подходит к двери)*. Господи, не случилось ли с ним чего?

Гачик. Цирил!

Качкова. Не отвечает.

Милицка *(открывает дверь в ванную)*. А его здесь и нет.

Гачикова. Нет?!

Милицка. Смотрите! Окно открыто.

Радо. Убежал!

Качкова. Боже милостивый!

Милицка. Записка!

Гачикова. Покажи!

Милицка *(читает)*. «Пану Гачику».

Гачик. Очки!

Гачикова *(вырывает у Милицки записку, читает)*. «Кажется, все прошло удачно. Теперь я здесь лишний. Желаю вам счастья. Оно вам очень необходимо».

Милицка. Отец, ты прелесть!

Гачикова. Жулик!

Гачик. Честный мальчик!

Гачикова. Этот паршивец нас обманул.

Гачик. Почему же? Он пришел отомстить за меня. Сделал свое благородное дело и, как истинный джентльмен, исчез раньше, чем мы успели его поблагодарить.

Гачикова. Что теперь?

Радо. Нужно его догнать. Далеко он не ушел.

Гачикова. Надо немедленно сообщить.

Гачик. Кому?.. Куда?

Гачикова. В милицию.

Гачик. Не понимаю. Кому-нибудь из нас грозит опасность?

Гачикова. Убежал. Ты слышишь, он убежал! Его должны поймать.

Гачик. И привести к нам?

Гачикова. Зачем к нам? Пусть ведут, куда надо. Такие не должны болтаться без присмотра.

Гачик. Но он ничего плохого не сделал.

Гачикова. Все равно надо что-то предпринять! Подумай, что?

Гачик. А мне и так ясно. Давно уже ясно. Я иду в милицию.

Гачикова. Я, кажется, сойду с ума. То да, то нет. То иду, то не иду. То надо, то не надо.

Радо. Отец хочет идти, чтобы сообщить обо мне... а не о нем.

Гачик. Ну, наконец-то! Наконец-то ты правильно и быстро соображаешь.

Радо. Пойми, отец. Если бы ты не возражал, можно было бы все объяснить... логично... разумно...

Гачик. Что, по-твоему, означает «разумно»?

Гачикова. Послушай, Доминик. Не делай вид, что не понимаешь собственного сына...

Гачик. Да, я действительно как-то туго соображаю... Что нужно делать, когда твое любимое дитя из любви к тебе одаривает тебя оплеухой?

Гачикова. Ты задаешь вопросы вместо того, чтобы на них отвечать. Так что же мы будем делать?

Гачик. Пойдем в милицию.

Гачикова. Ни за что на свете! Мы сами заварили эту кашу, сами и будем ее расхлебывать.

Гачик. Значит, опять прячемся от правды... умалчиваем?

Гачикова. Ну и что?.. Разве мы первые?

Раздаются три автомобильных гудка подряд.

Качкова. Боже мой... Гудят... Три раза...

Гачикова. Что вы все, помешались на этих гудках?

Качкова. Я?.. Я ничего. Это она.

Радо. Сестричкины дела!

Гачикова. Кто будет вызывать ее гудками ни свет ни заря?

Качкова. Милицка!.. Милицка? Слышишь? Три гудка! Он приехал. Это точно он! Морячок...

Гачикова. Доминик! Что ты стоишь? Делай что-нибудь. Что все это значит?

Гачик. Спокойно.

Гачикова. Милицка!

Качкова. Где же она?

Гачикова. Где?.. Спряталась, конечно. Бойся выйти... Что все это значит?

Гачик (*открывает дверь в ванную*). Милицка, не бойся. Ничего с тобой не случится. Иди и пригласи гостя.

Тишина.

Милицка?

Качкова. Ее нет.

Гачикова. Господи Иисусе!

Радо. Удрала?

Качкова. Через окно в ванной.

Радо. Побежала за Цирилкой?

Гачикова. Они успели сговориться. Ночью. На этом диване.

Радо. Я побегу за ней. Она не успела далеко уйти.

Гачикова. Конец света! Удрала через окно. В пятнадцать лет! Конец света!.. (*Сыну.*) Ну, что ты стоишь? Беги! Бегите все! Ее надо найти и вернуть!

Гачик. Подождите! А что мы будем делать, когда их поймаем?

Гачикова. Ведь ты же отец! Разве ты не знаешь, что надо делать в подобных случаях?

Гачик. Нет. Честное слово, не знаю. Но моя дочь... меня... обнадеживает.

Качкова. Чем? Бегством из отчего дома?

Гачик. Своей принципиальностью.

Снова раздается гудок машины.

Качкова. Боже, а этот знай себе, гудит и гудит.

Гачик. Надо пригласить его сюда.

Гачикова. А что мы ему скажем?

Гачик. Правду.

Гачикова. Исключено... В такой ситуации мы не можем никого сюда приглашать.

Гачик. Он моряк?

Радо. Юнга.

Гачик. Как правило, моряки — смелые и мужественные ребята. Он все поймет. Откройте ему дверь.

Гачикова. А если он спросит, где она?

Гачик. Скажем, что придет попозже, что сейчас у нее очень важное дело.

Звонок в дверь.

Гачик. Это он. Откройте.

Гачикова. Но говорить с ним будешь ты.

Гачик. Наконец-то! Хоть раз получу слово первым.

Качкова (*уходя*). Я сейчас открою.

Радо. Может быть, и мне вылезти через окно? Он ничего не должен знать.

Гачик. Подожди!

Явление пятое

Те же и Мальвина

Мальвина (*в дверях*). Доброе утро.

Качкова. Мальвина!..

Мальвина. Я вас разбудила?.. Всех сразу? Видит бог, я этого не хотела. Думаю, позволю тихонечко, еле-еле... А вот... Но дело-то неотложное... (Качковой.) Та столетняя старушка приказала долго жить. Так я скорей сюда. Если еще не передумала, собирай вещи. Хотя питание у нас... Но если тебе так хочется к нам устроиться, то пошли сейчас же. Вечерами будем вместе петь... молиться будем. Выдержат можно... Да и здесь будет попросторнее. Дети-то вон как растут! А Милицка? Где она?

Гачкова. Еще спит.

Мальвина. Спит... Ну и хорошо. Значит, мне показалось, что я ее видела... Старость — не радость. Мало того, что глухну, еще и слепнуть начала...

Гачикова. Где? Где вы ее видели?

Качкова. Где?

Мальвина. Мне показалось, что она сидела в автобус... и не одна, а с таким черненьким...

Гачик. В автобус? Какой?

Мальвина. То ли семерка, то ли шестерка. Я так спешила, что и не посмотрела.

Гачикова. Семерка? Куда она ходит?

Гачик. Конечная остановка — у замка.

Гачикова. Что теперь делать?

Гачик. Ты ведь мать.

Гачикова. А ты — отец.

Гачик. Нам не остается ничего другого, как... посмотреть правде в глаза.

Гачикова. Но как?

Гачик. По всей вероятности, иначе, чем раньше.

Гачикова. Иначе? Конечно, иначе... Только почему вы стоите... Делайте что-нибудь! Время бежит.

Гачик. С чего начать? За какую веревочку потянуть, чтобы все это распутать.

Качкова. Боже мой. Тяни за нужную!

Гачик. Да... за нужную. А которая из них нужная?

Качкова. Ты ведь отец. Чего же спрашиваешь? Сам должен знать.

Гачик. Кто знает, пусть мне подскажет... Прошу вас! Люди добрые! Посоветуйте! (В публику.) И ваши улыбки, уважаемые, тоже могут быстро смениться слезами, так что будьте осторожны... Вот видите? (Показывает на свою голову.) А кто не верит... пожалуйста! (Начинает разбивать голову.) Пожалуйста, можете убедиться. Четыре пива! Мне их еще не сняли.

Сцена погружается в темноту.

Занавес

КОРОТКО ОБ АВТОРЕ

Ян Солович, известный чехословацкий драматург, родился в 1934 году. В 1958 году закончил Высшую школу музыкального искусства в Братиславе. В течение ряда лет заведовал редакцией художественной литературы Братиславского радиокомитета. С 1970 года Ян Солович — первый секретарь Союза словацких писателей.

Он написал более 25 пьес для театра, телевидения и радио.

Дебютировал Солович в 1955 году пьесой «Последний гром». За телевизионную пьесу «Полночь наступит через пять минут» получил звание лауреата Премии города Братиславы (1965). За сценарий фильма «Вполне порядочные парни» был удостоен в 1972 году Государственной премии Словацкой Социалистической республики и премии Словацкой национальной кинематографии. Пьеса «Меридиан» (1973) получила четыре главных премии Международного телевизионного фестиваля в Праге (1975). За драматургическую трилогию «Меридиан» (1973) «Серебряный «ягуар» (1975) и «Золотой дождь» (1976) Ян Солович — заслуженный писатель ЧССР — в 1977 году был удостоен звания лауреата Государственной премии имени Клементы Готвальда.

СОДЕРЖАНИЕ

ДРАМАТУРГИЯ ЯНА СОЛОВИЧА

Афанасий Салынский

5

МЕРИДИАН

Перевод Л. Васильевой

7

СЕРЕБРЯНЫЙ «ЯГУАР»

Перевод Т. Мироновой

75

ЗОЛОТОЙ ДОЖДЬ

Перевод Т. Мироновой

135

SOS! ИЛИ СОВЕРШЕННО ОСОБАЯ СИТУАЦИЯ

Перевод Т. Мироновой

201

КОРОТКО ОБ АВТОРЕ

266

ЯН СОЛОВИЧ
«МЕРИДИАН» И ДРУГИЕ ПЬЕСЫ

ИБ 3505

Художник *В. Г. Алексеева*
Художественный редактор
В. И. Колганов

Технические редакторы *Г. Г. Щурихина,*
Н. С. Андрианова

Корректор *Р. Х. Пунга*

Сдано в набор 18.7.1977 г. Подписано в
печать 24.1.1978 г. Формат 84×100^{1/2}. Бу-
мага типографская № 1. Услови. печ. л.
13,28. Уч.-изд. л. 10,61. Тираж 27 000 экз.
Заказ № 2322. Цена 95 коп. Изд. № 25022.

Издательство «Прогресс» Государствен-
ного комитета Совета Министров СССР
по делам издательств, полиграфии и
книжной торговли. Москва 119021, Зуб-
овский бульвар, 21

Московская типография № 11 Союзпо-
лиграфпрома при Государственном ко-
митете Совета Министров СССР по делам
издательств, полиграфии и книжной
торговли. Москва 115105, Нагатинская, 1

Издательство «Прогресс»

Выходит в свет

ФРИД, Норберт. Императрица. Роман.

Роман описывает один из наиболее темных и запутанных эпизодов европейской истории второй половины XIX века.

В качестве действующих лиц в романе выведены важнейшие фигуры того времени: Максимилиан Габсбург и его супруга дочь бельгийского короля Шарлотта, Наполеон III, королева Англии Виктория, президент Мексики Хуарес, Франц-Иосиф и др.

Роман отличают документальность исторического исследования, психологическое проникновение в образы исторических и вымышленных героев, политическая острота в описании событий.